

Вячеслав Иванов и культурное наследие
византийско-славянского Востока

Выдающийся русский поэт XX века Вячеслав Иванов (1866–1949), один из наиболее влиятельных и заслуженных основоположников символизма в России, по праву считается одновременно одним из наиболее сильно связанных с западноевропейской культурой писателей и мыслителей этой страны. Это предопределили такие моменты жизни и творчества Иванова, как духовное и интеллектуальное формирование, круг научных и писательских интересов, долгие годы, проведенные за границей для учебы, исследований и путешествий, наконец, последние двадцать пять лет жизни в эмиграции, переход в католичество и постоянная уже связь с культурной действительностью, с научной и эстетической жизнью новой родины поэта, любимой им Италии, а особенно ее столицы Рима.

Однако, в сущности, в этом можно убедиться только теперь, когда стало доступным – благодаря издаваемым периодически, начиная с 1971 года, томам собрания сочинений¹ – всё писательское наследие Иванова, этот поэт вовсе не порывал с родной греко-славянской или старорусской традицией, с русской культурой и народной литературой, то есть фольклором, более того, в годы эмиграции и окончательного погружения в западноевропейский и латинско-католический культурный контекст связи с родной основой, с этой почвой "привычности" укрепились и углубились. (... ..): "Повесть о королевиче Святомире". Именно это произведение, необычное на фоне всего писательского наследия Вячеслава Иванова, не имеющее аналогии в своем отличии и оригинальности как замысла, так и реализации, интересное ввиду происхождения и сложной истории создания, автор данной работы хотел бы хоть отчасти сделать доступным, более близким польскому читателю, знающему уже относительно неплохо остальные поэтические произведения этого писателя.² А так как он уже сделал вступительный суммарный обзор этой прозаической поэмы и провел ее подробный анализ в другой своей работе, то здесь, в очередном труде, он ограничится напоминанием самых важных своих ранних констатаций о произведении, чтобы в свою очередь сконцентрироваться на нескольких подробных вопросах из круга заглавной проблематики данного исследования, а именно на вопросе места и

роли в этом произведении старорусско-фольклорной традиции, его связей с наследием христианской культуры византийско-славянского Востока.

"Повесть о Святомире" как литературное произведение является нетипичным, синкретическим произведением искусства слова, нелегко поддающимся определениям или генеалогическим классификациям. Решающее значение в этом имеет факт сознательного моделирования автором произведения по таким разным литературным образцам, как, с одной стороны, Библия и житие, хроника и описание путешествия, с другой же – легенда и эпическая песня, обе родом из устного творчества. Именно уже сам факт придания произведению такой, а не иной стилевой и композиционной формы, моделирования его по таким разным литературным образцам, типичным для определенного круга литературной традиции, это первое, но, отнюдь, не самое важное проявление той связи, которая объединяет "Повесть о Святомире" с определенным кругом творческого вдохновения. Впрочем, на эту связь явно указывает само заглавие в полном своем звучании так как автор использует в нем рядом с термином "повесть", распространенным в выходных данных древней литературы при определении типа повествовательной прозы, такие определения, как имя заглавного героя повести, а также жанровое уточнение "рассказ" летописца – очевидца, каким является монах, описывающий или рассказывающий о событиях из жизни заглавного героя. Итак, наша повесть – это стилизованное житие, воспроизводящее для определенных идейных целей модель агиографической литературы, то есть тип средневековой религиозно-церковной литературы либо культово-литургического, либо дидактического, морализаторско-воспитательного назначения, произведение, несущее образцы морали, формирующее определенную концепцию человека и исторического процесса, увиденного в свете некоей философии и теологии. Конечно, произведение с такими жанровыми особенностями как композиционными, так и стилистическими, сразу вызывает в читательском восприятии всю свою литературную "базу", отсылает читателя к определенной литературной традиции средневековья, в данном случае к традиции древнерусской литературы, как, впрочем, и всей религиозной культуры этой эпохи.

Задуманные таким образом жанровые рамки заполняет богатая и неоднородная словесная материя в виде описательно-фабульного повествования, раздумий теоретического плана, наконец, ситуативных диалогов и "вставных" текстов. Фабульная линия, основным ко-

стяком которой является биография заглавного героя, обогащена многочисленными второстепенными сюжетами и самостоятельными эпизодами, обильно заимствованными, одновременно творчески переработанными, из литературы и фольклора, как из светской, так и религиозной литературы.

История Святомира, которая развивается на фоне событий, происходящих в его стране и государстве, показана с момента его рождения до достижения полной жизненной зрелости, ей предшествует в повести рассказ о прямых предках героя, особенно об его отце, властителе этой страны, наследником которого должен стать Святомир. Именно вся история его жизни вместе с этим широким фоном является также явным, правда, часто только намекающим, не прямым, но полностью однозначным обращением к истории русской земли вообще, московской земли в частности, что не оставляет никаких сомнений в отношении того, с какой конкретной национальной культурой, бытовой и религиозной действительностью должна быть отождествлена действительность повествования. А это обстоятельство делает содержание и идейный смысл произведения особенно выразительными, однозначными в восприятии и оценке читателя. Итак, связь и зависимость нашего произведения от определенной культурной традиции в данном слое особенно видны и полностью бесспорны.

Наиболее существенным, а одновременно самым выразительным образом, как с точки зрения читательского восприятия, так и интерпретационного анализа при филологическом разборе заметна связь между трудом Иванова и наследием христианского Востока, которая проявляется в сфере идейного смысла, в характерной плоскости, выраженной повествовательно-образными средствами, присущими эпике, в религиозной и даже просто теологической философии, а также в человеческой философии, в антропологии. Идейные мотивы этого типа содержатся в анализируемом здесь произведении прежде всего в образе заглавного героя, в истории формирования его личности как человека и как властителя; они непосредственно и опосредованно связаны с его развитием и духовным ростом до жизненных предназначений и вершин человечества. Выражению и иллюстрированию этого идейного содержания художественными средствами, а особенно построением главной сюжетной линии и искусным подбором и компоновкой мотивов и второстепенных эпизодов, служит вся повествовательная материя повести о Святомире, сложная композиционная структура целого.

Это целое складывается из разных в смысле объема, но близких в отношении содержательной емкости частей—книг, а собственно глав каждая из них в свою очередь делится на выделенные как в смысле содержания, так и формально, внешне (графически также) главы—абзацы, пронумерованные римскими цифрами, при этом, в первой части, не выделенной, правда, формально, но отличающейся по стилю от остальных (так как была написана уже после смерти поэта его женой по его поручению, опираясь на оставленные подробные инструкции и записки), текст в пределах глав—абзацев дополнительно поделен еще на фразы—строфы, обозначенные арабской нумерацией. Всё это вместе создает емкие и неоднородные композиционные рамки для фабульной целостности значительного объема: "Повесть о Святомире" насчитывает почти 260 печатных страниц среднего формата, так что она имеет размеры романа большого объема. Именно в таких вот композиционных рамках размещается история героя повести, показан процесс роста человека—властителя до полной жизненной зрелости.

Его история имеет собственную предисторию, что—то наподобие книги Рода, период мифической, сказочной действительности (история династии и ранний период деятельности отца, властителя, строителя мощного государства, королем которого должен стать Святомир в будущем), причем эта действительность сконструирована, конечно, как вымышленное повествовательно—эпическое целое, но со значительным участием реминесценций, обращений или намеков сперва на сказочные, легендарные мотивы (например, упоминание о потомках былинного Микулы Селяниновича), а потом и исторические, обращенные как к истории Киевской Руси, так и к истории Московской Руси — России и даже к политическим, культурным и религиозно—церковным отношениям между восточными славянами и Константинополем—Царьградом (например, зависимость митрополита от константинопольского патриарха, принятие от Византии славянским властителем императорских регалий, личные связи с правящим в Константинополе двором через изгнанную вдову императора и лишённого императорского титула Радивоя, славянского вождя на службе у Царьграда).

История будущего властителя Святомира разворачивается на страницах произведения до определенного момента параллельно с историей его отца Владария, собственно создателя мощного государства, строителя его политической и общественно—культурной структуры, а также системы союзов, договоров и отношений с соседями. Однако в композиционном смысле он занимает место на переднем плане, так как

автор делает особенный упор на психологическую сферу жизни своего заглавного героя, разворачивая ее на страницах книги главным образом в духовном, религиозном и этическом измерении. Образ, личность отца и все связанные с ним жизненные перепетии как бы исчерпывают всю политическую и историческую проблематику произведения; история его сына позволяет автору показать как бы высший уровень, более идеальное, духовное измерение исторического процесса — сперва сферу формирования личности человека, будущего властителя, а потом — уже в перспективе будущего, за рамками повести — сферу его практических действий, соответствующих имеющимся духовным началам.

Процесс духовного развития героя показан — и в этой сфере наша повесть доставляет особенно благодарный материал для прослеживания связей произведения с традицией мысли христианского Востока — начиная с событий, представленных в книге У "Повести о Святомире", чтобы потом идти параллельно с развитием сюжетной линии всех остальных частей — глав до последней, девятой, включительно. Здесь, во второй половине произведения, в связи со значительным выдвиганием на первый план как в повествовательно-фабульной, так и тематическо-проблемной плоскости образа, личности и истории Святомира, совершается своеобразное "сгущение", контаминация, а скорее, концентрация текстов, взятых автором вне повести являющихся для него системой обращений, комплексом культурных норм, представлений и традиций, необходимых для построения определенной системы эстетических и этических ценностей. Характерно при этом, что наш автор почерпнул их не откуда-нибудь, а из древнерусской литературы и фольклора, с характерными для обеих этих областей русской национальной культуры жанрами религиозной литературы. Из древнерусской литературы он выбрал средневековую византийско-славянскую "Повесть о государстве индийском", а из фольклора пригодился ему многократно использованный во многих фрагментах и эпизодах повести жанр так называемого духовного стиха.

Мотив, а собственно тема "Повести о государстве индийском" использован в форме идеи так называемого государства Иоанна Пресвитера. Появляется эта тема уже в книге IV; о таинственном идеальном крае, расположенном где-то далеко на востоке, вспоминает в разговоре с Владарием изгнанный из Царьграда его родственник Радивой. В ходе дальнейшего развития сюжета выясняется, что именно в этот край должен быть выслан Святомир, чтобы уберечь его

от грозящей ему на родине гибели и чтобы вылечить его от духовной слабости, закончить образование; впрочем, вскоре из этого края к Владарию прибывают послы с письмом от своего владыки, содержащим пожелание, чтобы Святомир, будущий властитель славянской империи, прежде, чем примет власть, прибыл в это идеальное королевство, управляемое королем-священником. Вся книга У составляет это обширно из двух частей, письмо-трактат, содержащее вначале описание этого легендарного края, его расположения и истории, а потом и историю самого автора-короля Иоанна Пресвитера, владыки, который сумел реализовать на земле идеал Царства Божия. Следующая, VI книга – уже подробное, при этом красочное, с большими художественными достоинствами описание государства Иоанна, с предшествующим рассказом о путешествии Святомира в этот край на востоке, которое совершил молодой князь вместе со своей свитой под предводительством высланных Иоанном послов. Читатель подробно проинформирован о судьбе Священника Иоанна, его призвании и способах управления идеальным теократическим государством, об истории его непорочной супруги Параскевы-Пятницы, наконец, об участии их обоих в воспитании Святомира. Именно в создании картины этого идеального государства, основ его строя, истории, географического положения, условий жизни автору помогли темы, мотивы и идеи очень популярной в средние века на Востоке и на Западе, созданной в Византии "Повести о государстве (империи) индийском", которая на примере легенды о короле-священнике Иоанне делала доступным знание о распространении среди народов Средней Азии христианства в форме несторианства. Искусно переработанное, а к этому значительно обогащенное новыми легендарно-апокрифическими элементами и ситуативными решениями содержание позволило Иванову создать полную поэтической красоты, а одновременно глубоко содержательную картину общественно-политической действительности, построенной строго на принципах христианской этики, реализующей идеалы Царства Божия, правдивой теологическо-политической утопии.

Пребывание в идеальном государстве Иоанна Священника, хоть и важное для духовного созревания Святомира (оно продолжалось девять лет), не закончило еще процесса формирования характера, позиции и взглядов будущего властителя. После возвращения на родину и новых, тяжелых жизненных испытаний, описанных в книге VII, князь отправляется в новое путешествие, в этот раз на Запад; в ходе

продолжающихся в течение двух следующих лет встреч, прогулок и бесед с историческими и вымышленными литературными личностями (среди них герои из мира христианского Востока) будущий властитель продолжает искать ответы на терзающие его экзистенциальные, моральные и политические вопросы. Правильное решение своих проблем он находит только в последней IX книге. Здесь он подвергается последнему испытанию познания сути дела, своей жизни и настоящего призвания: он отправляется на Крутую Гору, в монастырскую обитель, расположенную посреди моря на острове, где работал физически, умерщвляя плоть и размышляя, а также в ходе бесед с настоятелем монастыря окончательно осознает всё то, что он пережил, чему научился, что обдумал. А это имеет значение, тем более, что с момента смерти отца Святомир наконец должен начать самостоятельную жизнь как человек и правитель.

И в сюжетном, и в идейном смысле действие повести в последней книге сгущается, явно кульминирует, близится к завершению. В структуре повествования и организации сюжета это проявляется в насыщении произведения, его последних глав фрагментами и даже целыми самостоятельными поэтическими произведениями в форме религиозных песен, называемых в фольклороведческой терминологии "духовными стихами". В произведении их несколько, но три из них, будучи особенно близкими судьбам обоих главных героев, отца и сына конкретизируют идейное содержание, важное для понимания принципиального смысла всего произведения; это "Песнь о Крутой Горе", "Песнь о семи лесных родниках", наконец, "Песнь об Егории Храбром". Еще раз, теперь уже не только намеками и опосредованно, а прямо, однозначно проводится идентификация легендарного, сказочного края Владария и Святомира с общерусской и именно русской историческо-бытовой действительностью; особенно указывает на это поэтическая интерпретация идеи об Егории, его мученичестве и деяниях: Владарий умирает в том самом месте, где веками ранее его предком, святым рыцарем-мучеником, святителем Руси Егорий была укрыта чудесная луч-стрела, здесь же его сын и преемник власти Святомир заново рождается духовно после последних, самых важных испытаний своей жизни. Повесть заканчивается финальной сценой-ситуацией (глава XIV книги IX), в которой пробудившийся от летаргического сна благодаря действию высших сил (навещает его Божья Матерь со своим непорочным супругом и святым Иоанном Теологом-Евангелистом) Святомир с места своего последнего уединения

(здесь он прошел самое тяжелое испытание схваткой с книзем тьмы Сатаной) возвращается со склонов Крутой Горы в родную страну, что бы принять от своего далёкого предка-опекуна боевого белого коня, который понесет его на последнее сражение со злом, что охватило его родную землю, находящуюся в моменте своего самого важного исторического испытания. Победа в этой решающей схватке должна "помочь больной родине проявить скрытые прежде, невидимые добрые задатки".

Эти последние книги и главы "Повести о Святомире" придают повествовательному труду Иванова характер поэтического произведения, даже песенно-эпического; участие поэтического материала в этой последней части произведения так значительно, так присуще и активно во всех его слоях, что окончательно предопределяет жанровую структуру произведения, такую неоднородную в своем синкретизме. Поэт-прозаик сознательно реализует в этом своем последнем труде жанровую традицию русской народной религиозной песни, так называемого духовного стиха (песнь об Егории является здесь основным материалом, использованным многократно и в разных художественных целях, как в слое идейного смысла, так и в сфере композиционных и стилизаторско-языковых операций), который либо в форме привлечения фрагментов, цитат или целых произведений в их оригинальном звучании, либо в модифицированной, переделанной форме соединяет отдельные книги и главы в одно органичное целое, придает ему широкое поэтико-эпическое дыхание, связывает многообразие таких разных источников творческого вдохновения и поэтических традиций, как сказочных эпос, агиографическая легенда или средневековое летописание.

Заглавный герой на последних страницах повести вступает в этап своей взрослой самостоятельной жизни как человек, имеющий за собой богатый личный опыт - "внешний", жизненный и духовный; он прошел через путь уверования и мученичества, физическое недомогание и умственную болезнь в виде "безумия для Христа", дважды состояние летаргического сна и попытку искушения "властелином этого мира". Теперь, принимая аксессуарно-символы своего избрания, а также специальных предназначений и возможностей, как бы воплощается в образ Егория, своего великого предка, героя рыцарских и Божьих дел, и отправляется на последнюю уже схватку с Драконом-Бестией, угрожающим гибелью его стране. Он уверен в успехе этого сражения, так как должным образом приготовился к нему в ходе ве-

ликих испытаний. Большую часть неблагодарной, трудной подготовительной работы в сфере строительства государства и обустройства страны сделал за него отец, который реализовал "худшую", человеческую и земную часть миссии; однако во время этой борьбы параллельно шли – последовательно в скрытых, тайных, но одновременно не менее нужных и результативных, чем другие, действиях (неослабевающее ассистирование высших сил, особенно Богородицы, роль духовной традиции Господнего ученика, святого Иоанна, воплощенная в образе Иоанна Пресвитера и его края, реализующего идеал Царства Божия; миф Крутой Горы, где в полном уединении и сокрытии неустанно идет ежедневная духовная работа и молитва, сопровождающая возведение пока невидимой постройки-храма в честь Бога; мотив рая, реализующегося уже в условиях земной действительности, но пока невидимого для глаз грешного смертного) – работы, подготавливающие освящение земной сферы, ее духовное обогащение.

"Повесть о Святомире" – это, несомненно, как последнее произведение выдающегося поэта, также своеобразная сумма творческих свершений, синтез поисков, умственных и художественных достижений это, вероятно, также синтез раздумий и опыта Иванова как человека и мыслителя, его духовное завещание. Без учета этого произведения не удастся уже сегодня описать и понять сущность того, чем является творческий труд этого писателя – наиболее прозападного среди русских творцов, а одновременно так сильно, неразрывно – как это оказывается только сейчас, после посмертной публикации этого произведения – связанного с родной, русской и христианской культурной традицией. Произведение, написанное в годы эмиграции, создается параллельно с процессом органичного вхождения его автора в идейный контекст жизни на Западе, является одновременно произведением, зачатом от духа традиций христианского Востока, творением, которое могло родиться исключительно в сознании, в сердце, в мастерской славянина, рожденного и духовно сформировавшегося на Востоке в Святой Руси. Создавая это свое последнее писательское достижение, поэт как бы синтезировал обе эти культурные традиции, что нашло свое выражение – рядом с другими сюжетными мотивами и идейными замыслами – в таких сюжетах и ситуативных ракурсах, как идея Царства Божия, воплощенный в творчески интерпретированной легенде о крае Иоанна Пресвитера, как взаимное соотношение сакрального и земного в этой жизни, как, наконец, мотив рая, уже присутствующего невидимо в материальной действительности, или место и роль в

системе теологических взглядов автора его специфической духовности оригинальной религиозной мысли, отражающей присутствие сакрального в жизни, мыслях и поэтическом труде этого русского писателя XX века.

х х х

Трудно – даже в подробном резюме содержания и мыслей оригинала или в подробном анализе художественных величин: стиля, композиции, жанровых особенностей литературного произведения – приблизить читателю существенные ценности произведения так специфического так оригинального в свое замысле и неповторимого в творческой реализации, как Ивановская "Повесть о Святомире". Наверное, только непосредственный контакт с оригиналом в его подлинном виде дает возможность правильного и прочтения, и понимания сущности того, чем действительно является это последнее творческое достижение выдающегося русского поэта. Или, может, возможно превосходный, удачный перевод, а скорее, какая-то конгениальная поэтическая парфраз, через которую удалось бы передать и все художественно-лабораторные особенности этого произведения, и неповторимый стилистическо-жанровый колорит, и глубокое содержание мыслей. Такой перевод может или никогда не появиться, или нужно будет долго его ждать. А стоит, наверное, чтобы польский читатель, который, благодаря трудам многих наших поэтов-переводчиков, уже неплохо ознакомлен с творческим наследием этого писателя, но не сможет, не только из-за языкового барьера (и еще какого, так как в этом конкретном случае он ставит преграду особенно трудную для преодоления!), освоить это произведение в его подлинном виде, – получил о нем хотя бы приближенное понятие.

Именно с этой целью, как приложение к настоящей сессионной публикации, мы даем образец филологического, по возможности верного перевода нескольких больших, составляющих определенное тематическое целое фрагментов "Повести", выбранных из той ее части, которая показывает особенно близкие и продемонстрированные особенно выразительным способом связи этого произведения с византийско-славянской традицией, с культурным наследием христианского Востока в его русской национально-культурной форме. Переводчик их выбрал с целью и умышленно – из тех двух фрагментов произведения, которые в этом отношении кажутся наиболее значительными, наглядно показывают основную проблематику того, о чем, главным образом, была речь в данной публикации.

П р и м е ч а н и е

- ¹ Вячеслав Иванов, *Собрание сочинений*, т. I, Брюссель, 1971. (Под редакцией Д.В.Иванова и О.Деспарт, с введением и примечаниями О.Деспарт). До сих пор вышли четыре тома этой серии, рассчитанной на шесть томов; т. II вышел в 1974 году, III - в 1979, IV, пока последний, в 1987.
- ² Самое полное издание стихов Иванова принесла публикация: Вячеслав Иванов, *Поэзия*, составитель и автор вступительной статьи Северин Поллак, Варшава, 1985. Ранее польские переводы стихов Иванова включались в сборники русской поэзии, особенно в том: *Символисты и акмеисты*, составители: В.Домбровский, А.Мандалян, В.Ворошильский, Варшава, 1971.
- ³ Полному, хотя пока еще вступительному анализу произведения, с учетом его происхождения и истории создания, благодаря творческим усилиям обоих его авторов, самого поэта и его последней спутницы жизни Ольги Деспарт, посвящена работа: Рышард Лужны, Вячеслав Иванов - какого не знаем, "Научные тетради Люблинского католического университета", 1988, № I, также: Р.Лужны, Наиболее славянофильское произведение самого крупного русского западника *Русская филология. Научные тетради пединститута в Ополе. Материалы научной сессии "Русская литература между Востоком и Западом, Ополе, 1987.*

Основой перевода на польский язык является указанное выше собрание сочинений Вячеслава Иванова; текст "Повести о Святомире" был помещен - впервые из рукописи - в томе I этого издания.